

О ПОЛЬЗЕ И ВРЕДЕ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ ЖИЗНИ

Введение

Обычно, вступление к научной и философской статье подразумевает обоснование актуальности исследования, постановку проблемы и определение метода. Тема пользы и вреда философии для жизни остается актуальной не только потому, что становится темой конкурса творческих работ по философии, но еще и потому что в системе философского образования и, в целом, высшего образования в нашей стране последние несколько лет происходят значительные изменения (такие, как защита диссертаций по собственным правилам, проведение общенаучных курсов по философии в форме онлайн-курсов, изменение вида вступительных испытаний при поступлении на программы магистратуры), но и потому что буквально на наших глазах в Интернете разворачивается дискуссия между популяризаторами науки [14] и философами [6] о том, нужна ли вообще философия современным образованным людям.

Таким образом, можно определить проблему настоящего исследования как проблему статуса философии в современном (российском) обществе, ее значение для жизни современных людей – ее явные, скрытые, истинные и ложные польза и вред. При этом, хотелось бы рассмотреть эту проблему не с позиции этики, а попробовать силами философской антропологии обратиться к нашей актуальной повседневности, осмысляя как личный опыт, так и опыт, представленный в различных академических и публицистических источниках.

В рамках настоящей работы я хотел бы рассмотреть, как меняется положение философии на разных этапах человеческой жизни (детство и юность, поступление в вуз, его окончание и последующий переход ко взрослой самостоятельной жизни как в академии, так и за ее пределами), а

также в общем вопрос о философии как об определенном мировоззрении и образе жизни.

Основная часть

В течение первого семестра первого курса на факультете психологии, когда несколько лет назад я впервые столкнулся с философией, я не думал, что эта дисциплина станет ведущей в моей дальнейшей жизни. Однако уже тогда у меня были поводы столкнуться с вопросом о том, насколько может быть вредна и полезна философия для жизни. Поэтому в своей работе я постараюсь максимально полно через рефлексию собственного опыта и через обращение к опыту моих коллег этот вопрос осветить, сохраняя по возможности необходимое равновесие между личным и обезличенным.

Глава 1. Место философии в детстве и юности

Для начала обратимся к нескольким периодам жизни человека в современном обществе, начиная с юности, когда на фоне формирования человеческой идентичности [20], молодые умы обычно начинают интересоваться предельными вопросами существования. К сожалению, если под рукой не оказывается правильных книг, а рядом – разбирающихся людей – преданных философии науки учителей, преподавателей как среди случайных знакомых, так среди родственников и друзей, источником ответов для юных умов могут стать не профессиональные философы, ученые или работы классических авторов, а представители многочисленных сект.

Например, даже учеба в физико-математическом лицее не смотря на серьезную подготовку в области естественно-научных дисциплин, позволяющую в будущем успешно поступить в университет, не содержит в программе знакомства ни с классическими философскими трудами, ни с современными философами. По этой причине, когда подросток натывается в

социальных сетях на видеозаписи людей, которые стремятся объяснить все на свете, их слова и отсылки к классикам, зачастую некорректные, неполные, да и попросту ложные (но откуда знать об этом, если в 14-15 не прочитал Платона или Аристотеля), кажутся единственными безальтернативными носителями истины. В моем собственном опыте критическое осмысление и разочарование в «торговцах дешевыми истинами» произошло только на первом курсе университета, во многом благодаря преподавателям, которые вели лекции и семинары по философии.

Таким образом, мне хотелось бы показать, что *отсутствие знаний и занятий по философии в школьном возрасте*, даже на фоне серьезной естественно-научной или языковой подготовки в многочисленных лицеях и классических гимназиях, *может привести к некритичному восприятию чужих идей и подменой знания мнениями или идеологией*. И будет чудом, если из пучины невежества юному уму поможет выбраться случайное знакомство или систематическое обучение под началом профессионала.

При этом важна подача материала. Можно вести занятия формально – виде списка дат, авторов и концепций, можно рассказывать школьникам и студентам наиболее сложные и интересные источники, не обращая внимания на то, готовы ли слушатели, в целом, к их восприятию, прочтению или анализу. В этом случае даже опытный преподаватель будет неминуемо сталкиваться с тем, что представленные им темы не будут поняты, с его лекций студенты запомнят только шутки, и, кроме того, вряд ли заинтересуются не то, чтобы внимательным изучением, даже знакомством с философией и философами.

С одной стороны, активное привлечение слушателей и приведение актуальных для молодого поколения примеров может оказаться интересным: когда история философии дается не сама по себе, а в социальном, историческом, политическом и даже экономическом контексте, а также в связи с актуальными вопросами жизни слушателей – общением, близкими отношениями, формированием идентичности, будущей работой и, в общем, с

устройством взрослой жизни – привлекут к занятиям различных студентов и сделают такие лекции и семинары яркими и живыми. С другой стороны, такой подход может сочетаться с отсутствием обращений к действительно фундаментальным философским вопросам, а это значит, что за пределами занятий у студентов в памяти вряд ли останется много имен и концепций, и, тем более материала для их более подробного осмысления в контексте философии самой по себе.

Поэтому наиболее приемлемым вариантом здесь может стать сочетание легкости изложения и фундаментальности поставленных вопросов. В этом отношении наиболее эффективной, а, именно лаконичной и, одновременно, содержательной работой для начала изучения философии мне представляется работа Т. Нагеля «Что все это значит? Очень краткое введение в философию», поскольку в ней философия рассматривается не с позиции совокупности дат, авторов и их концепций, а с позиции волнующих любого человека вопросов, их философской концептуализации и пробуждения интереса к работе над такими вопросами, а также знакомством с философскими работами. Впрочем, разговор об этом касается уже процесса получения высшего образования.

Кроме того, при оценке пользы и вреда философии для жизни стоит обратить внимание и на некоторые особенности жизни людей, достигших совершеннолетия. 18 лет – это, зачастую, возраст манифестации шизофрении, которую современная психиатрия рассматривает, скорее, как группу заболеваний, имеющих наследственную этиологию, и возникновение которых может быть связано со множеством, в том числе, психологических факторов [13].

При этом, в рамках учебных занятий по клинической психологии и психиатрии зачастую говорится о том, что начало психического заболевания часто отмечается ростом интереса больного к философии. Не стоит, как мне кажется, поспешно отмечать здесь однозначную причинно-следственную связь, поскольку такое совпадение нарушений психики и развития интереса к

философии можно рассматривать, в том числе, как компенсаторный механизм – болевающий человек обращается к философии, желая понять обретающие силу изменения своей внутренней жизни, возникшие и ощущаемые на фоне развивающегося заболевания.

Однако не стоит забывать о классических примерах, когда психическое заболевание соседствовало с развитой способностью к философствованию. Так, например, Фридрих Ницше – один из нескольких известных философов, закончивших свою жизнь в сумасшедшем доме.

С другой стороны, существуют целые направления философии, идущие рука об руку с практикой «лечения словом» (психоанализ – как основание психодинамического подхода в психологическом консультировании и психотерапии [15]) или ставшие теоретической основой такой практики (экзистенциальная философия как основа экзистенциальной психотерапии [15]). В этом контексте нельзя не вспомнить взгляд на метафизику в целом как на практику саморазвития [18] или взгляд на философию как на «заботу о себе» [9].

Исходя из всего этого, *философию можно с некоторой осторожностью назвать дисциплиной, изучение которой порой идет рука об руку как с психологическими проблемами и серьезными психическими заболеваниями, так и с психическим здоровьем.* Возможно, это связано с тем, как происходит обращение к философии, ее проблемам и методам, а также с теми причинами, на основании которых такое обращение возникает.

Глава 2. Философия в студенческой жизни

Следуем дальше. Процесс поступления в вуз для многих сейчас – это не только вопрос поиска самого себя, но также и вопрос поиска лучшей доли и ремесла, которое в дальнейшем будет приносить необходимый и достаточный для жизни заработок. Здесь открывается очевидный «вред» философии для современной жизни в глазах, возможно, подавляющего

большинства абитуриентов и их родителей – а, именно, *репутация философии в качестве непригодной для практической реализации и, в целом, невыгодного для жизни занятия, обрекающего своего носителя на нищету и болезненную рефлексию.*

Иногда кажется, что это действительно так. Например, многие мои знакомые – выпускники философских факультетов – после бакалавриата идут в другие магистратуры, а часто и вовсе бросают свою едва начавшуюся научную карьеру. Кроме того, окончание аспирантуры и получение кандидатской степени, во всяком случае, в нашей стране, редко обозначает стопроцентное трудоустройство в качестве исследователя или преподавателя, а, тем более, если говорить честно, достойную заработную плату.

Однако даже для исследователей, занимающихся философией, в нашей стране существуют исследовательские гранты, рассчитанные в том числе и на фундаментальные и прикладные исследования, проведение конференций или публикацию научных или научно-популярных работ.

Также следует заметить, что эта репутация складывается, в том числе, из-за того, что современные люди, далекие от академической среды, могут быть не в курсе существования *практических областей современной философии. Одной из таких областей является прикладная этика, которая имеет огромное значение и для современного общества, и для многих серьезных современных биомедицинских, психологических и нейрокогнитивных исследований.* Этика оказывается здесь необходимой, поскольку эти исследования связаны с необходимостью участия в них людей и животных и могут быть связаны с различными последствиями для участников таких исследований. Например, часто оказывается необходимо оценить то, как адекватно вознаградить человека за участие в психологическом эксперименте, чтобы это вознаграждение не повлияло на мотивацию.

Кроме того, обращение к базе академических текстов «Google Scholar» выдает более миллиона результатов в ответ на англоязычный запрос на тему

«прикладная этика». Более того, указанные выше трудности касаются представителей всех без исключения профессий.

Вернемся немного назад, чтобы рассмотреть, как в зависимости от способа преподавания философии складывается ее польза или вред для изучающих ее людей. В самом начале учебы – на первом или втором курсе – у современных студентов начинаются общие курсы по философии. За пределами факультетов философии это общий курс длиной, обычно, в семестр, в течение которого студентам чаще преподносится краткий курс истории философии. Такие занятия проходят в форме лекций и семинаров и часто представляют собой, по-сути, список фамилий авторов, дат и соответствующих этим авторам тезисов, которые объединяются рубриками античной, средневековой философии, философией эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени. Причем, в отношении современной философии, список авторов оказывается ограничен, как правило, первой половиной XX века, в редких случаях – современными аналитическими философами сознания – Дэвидом Чалмерсом, Дэниелем Деннетом и Джоном Серлем.

Насколько актуально такое перечисление в настоящее время, когда энциклопедический материал по любой теме (конечно, без оценки его качества) может быть доступен через Интернет? На этом фоне для современной молодежи идеи и гипотезы, к которым классические авторы шли в течение всей жизни, могут быть известны с детства – особенно, в случае посещения школьных уроков, знакомства с энциклопедиями, Интернетом и каналом Discovery. Получается, что привычное преподавание философии через историю философии может оказаться гораздо менее эффективным и привлекательным, чем того ожидают.

Более того, очевидный вред такого преподавания философии – отсутствие у студентов мотивации к ее изучению. Вместо того, чтобы соотносить свои жизненные и учебные, повседневные и академические проблемы и интересы с различными позициями классических и современных

авторов, студенты получают мощный стимул забыть даже немногих изученных философов, выйдя из аудитории, в которой проходил экзамен.

С другой стороны, насколько вообще может быть реальной задача ознакомить студентов в течение семестра с несколькими десятком авторов, оригинальные сочинения которых в сумме дают несколько (десятков) тысяч страниц текста, которые без предшествующего опыта работы с научными и философскими трудами сложно разбирать, не прибегая к помощи специализированных словарей? Особенно, если учитывать, что в течение семестра у студентов в расписание включено еще около 10 других дисциплин, для которых также нужно работать со статьями, монографиями и учебниками, а также посещать многочисленные лекции и семинары.

Практическая работа в форме обсуждения выбранных тем, авторов и текстов с учетом необходимого времени требует одновременно внимательного и вдумчивого прочтения на скорую руку больших и непростых для студентов младших курсов. При этом эти студенты редко обладают выработанными с годами навыками работы с научными и философскими текстами. По этой причине такое «перегруженое» обсуждение при работе с большой группой студентов может стать формальным и поверхностным. Поэтому для студентов будет полезнее форма занятий, при которой вместо формальной стороны вопроса преподаватель будет требовать от своих студентов не пересказа, а понимания и аргументации с опорой на рассматриваемые источники – по этой причине некоторые авторы указывают на необходимость ухода от стандартной форме семинаров, когда от студентов требуется лишь механическое воспроизведение материалов лекционного курса [7].

В противном случае философия также не сможет оказаться для студентов полезной – ведь вместо приобретения навыков работы с огромным количеством прописанных в программах текстов, они приобретают навыки чтения энциклопедий и общедоступных Интернет-ресурсов, в которых

вместо возможности обдумывания преподносятся готовые мысли и аргументы.

При этом стоит заметить, что последующая за лекциями и семинарами процедура экзамена или зачета в форме пересказа прошедших занятий вряд ли сможет добавить студентам любви к философии и вдохновить на ее изучение. Но можно ли вообще узнать что-либо новое и жизненно необходимое в течение сессии?

В качестве альтернативы такой форме контроля можно рассматривать привычную для Европы и США практику написания семестрового эссе по различным изучаемым дисциплинам. То есть, в процессе усвоения учебных курсов студенты пишут творческие работы на заданные преподавателем или самостоятельно выбранные темы. Получается, при написании этих работ студенты ищут в представленных в течение семестра курсах интересные для себя вопросы и высказывают по ним свои обоснованные позиции. Такой подход развивает у студентов навыки выбора и анализа источников и позволяет формировать свою аргументированную позицию по отношению к изученному материалу.

Иными словами, такая форма контроля за счет обучения студента различным необходимым навыкам кажется мне значительно полезнее привычного нам экзамена. Такой формат и приобретаемые с его помощью навыки можно рассматривать в качестве пользы, получаемой от занятия философией.

На некоторых факультетах список авторов и анализируемых текстов может зависеть от конкретной специализации: преподаватели, разрабатывающие такие программы, стараются учесть предполагаемые интересы студентов. Например, в рамках занятий по философии на факультетах психологии больше внимания может быть уделено проблеме сознания и языка, причем в лице не только классических, но и современных авторов. Кроме того, для психологов могут также быть подробнее разобраны представители различных направлений психоанализа, экзистенциальной

философии, также авторы, заложившие основы современной научной психологии, и их оппоненты.

С другой стороны, огромному количеству классических авторов, которое уже было рассмотрено или будет рассмотрено в рамках предмета «История психологии», при таком подходе может быть уделено меньше внимания, с целью более рационального распределения достаточно ограниченных учебными планами часов лекций и семинаров.

При этом, как уже высказывалось выше, философия как дисциплина позволяет эффективно работать с различными источниками, отбирать соответствующие выбранной теме исследования источники и данные, интерпретировать выбранные тексты и формулировать проблему, объект и предмет исследования, определять метод и высказывать свою аргументированную позицию. Кроме того, философия имеет универсальное значение как для тех, кто занимается исследованиями в процессе обучения, так и для тех, кто продолжает академическую карьеру, или, напротив, выбрал в качестве своей работы любую другую сферу человеческой жизни [19].

Уже на этом этапе важно отметить, что *изучение философии в вузе позволяет студентам разных специальностей работать с текстами и теоретическим материалом, осмыслять и обсуждать их.* Кроме того, через занятия по философии студенты также *обретают возможность самостоятельно и целенаправленно формировать свое мировоззрение.*

Отдельно здесь стоит рассмотреть процесс цифровизации образования. В настоящее время существует множество онлайн курсов по философии, в том числе на базе Копенгагенского, Эдинбургского, университета Пенсильвании и Высшей Школы Экономики, представленные на портале coursera.org. Обычно, это либо наиболее общие и широкие по охвату курсы по истории философии или по философии культуры, либо курсы, рассказывающие о небольшой, но интересной теме, например, об иронии в философии Кьеркегора или, отдельно, о философии досократиков, Сократа, Платона и Аристотеля.

Эти курсы рассчитаны на большое количество слушателей по всему миру (например, онлайн-платформа «Coursera» посещается около 35 миллионами слушателей из, примерно, 95 стран), которые не только будут пассивно воспринимать учебный материал, но выполнять задания, активно взаимодействовать друг с другом. Эти курсы подразумевают прослушивание лекций, изучение дополнительных материалов, выполнение контрольных работ, как тестовых, так и в форме развернутых ответов на вопросы или в форме эссе, которые пишутся, как правило, на английском языке на свободную, связанную с курсом или заранее заданную тему, а также проверку творческих заданий случайно выбранных сокурсников.

Исходя из того, что по факту прохождения курса на электронную почту с завидной регулярностью приходят приглашения поступать в магистратуру данных университетов, можно предположить, что одна из важных функций таких абсолютно или частично бесплатных курсов наряду с просветительской и образовательной – реклама данного вуза, привлечение в него студентов и соискателей со всего мира, а само наличие таких курсов не отменяет «оффлайн»-курсов при очном обучении в самом вузе.

Однако с недавнего времени общие курсы по философии в некоторых вузах также были переведены на онлайн-платформу – в форме лекций и экзаменационных – тестовых заданий. Некоторые специалисты [8] подчеркивают, что, несмотря на то, что при таком подходе курсы приобретают универсальность, становятся доступными для большего количества потенциальных студентов, но они теряют свою направленность непосредственно на конкретных студентов с их потребностями, чем нарушается одна из главных идей высшего образования – подготовка самостоятельных специалистов.

В целом, я уделяю здесь такое большое внимание вопросу преподавания философии в вузе, поскольку именно от этих занятий, общеуниверситетских или в рамках освоения исключительно философских специальностей, на мой взгляд, зависит формирование интереса к философии

и реализуется запрос на собственно, философские методы и проблемы. И от качества этого преподавания напрямую зависит польза философии как инструмента познания и развития будущих специалистов различных специальностей, в случае, если преподаватель смог раскрыть специфику философского знания и заинтересовать ею слушателей, и ее вред как скучной, ненужной дисциплины, которая читается формально и на которую студенты тратят время в ущерб освоения своей основной специальности, в случае, если преподаватель не сумел продемонстрировать значение философии и привлечь к ней внимание своих студентов.

Получается, философия в процессе обучения не может быть полезна, если преподается формально по заранее готовым схемам без учета особенностей и интересов посещающих курс студентов. Напротив, подобный формализм может потенциально оттолкнуть от изучения философии тех людей, которым она может оказаться интересной. При этом важна, на мой взгляд, не приверженность конкретным форматам преподавания философии, а способность инструментального использования любого выбранного формата на пользу слушателям.

Глава 3. Между академической карьерой и повседневностью

Когда учеба в вузе заканчивается, и перед вчерашними студентами встает вопрос о построении своей карьеры и дальнейшей жизни, философия как дисциплина может также оказаться и полезной, и вредной для выпускников.

По овладении профессией человек, занимающийся философией, может субъективно ощущать отличие своего поля деятельности от естественных и гуманитарных наук – первые насыщены строгими методами, математикой, лабораториями и приборными парками, достаточно явным прикладным значением, вторые также требуют строгости, точности и систематичности, необходимых для изучения сложных явлений, связанных с самим

существованием человечества. То есть, философия может показаться исследователю или популяризатору науки недостаточно строгой, обоснованной, и актуальной дисциплиной [14].

Чтобы разобраться с этим тезисом, попробуем ответить на вопрос о том, в чем заключается особенность именно философского знания. Как авторы учебников, утверждающие в качестве объекта изучения философии «предельные вопросы человеческого существования» [12, 16], представители аналитической философии, для которых философия – критическая дисциплина, проясняющая характер изучаемых проблем, анализирующая язык познания [3], так и представители континентальной философии, говорящие о том, что философия занимается творчеством концептов [5], производством истины [2], определяют философию как самостоятельную дисциплину, занимающуюся постановкой, изучением и пересмотром стоящих перед людьми проблем, а также статусом таких проблем.

Сейчас, когда в моде междисциплинарность – проведение исследований на стыке различных научных и технологических дисциплин – важным становится вопрос о том, какое место внутри такой моды может занимать философ? В отношении уже упомянутой прикладной этики все кажется более-менее понятным – в современном обществе исследования, связанные как с людьми, так и с животными, автоматически требуют обязательного участия таких специалистов.

Совсем другое впечатление может создать, например, междисциплинарная конференция по сознанию. В 2012 году, будучи в составе группы когнитивных психологов, я был на конференции по сознанию, организованной нашими коллегами-философами – философами науки и техники. На этой конференции присутствовали такие известные в рамках мировых исследований сознания люди как Джон Серль и Томас Метцингер, выступившие с пленарными докладами. Кроме них в конференции принимали участие другие известные ученые и философы, также выступавшие со своими докладами.

При этом в ходе самой конференции было заметно, что философы и психологи, изучая сознание, во многом не понимают друг друга – идеи, высказываемые представителями двух лагерей, относительно одних и тех же фактов, их интерпретации коренным образом различались. К примеру, для психологов «Великая иллюзия сознания», выражающаяся, в том числе в многообразии феноменов функциональной слепоты – набор различных параметров, определяющих познавательный процесс и его ограничения, которые можно, при должном подходе, поставить на службу человеку, тогда как для философа вопросы познания – это не только поле осознаваемых ограничений, выстроенных с помощью математических функций, но и гносеология как отдельная дисциплина, а также как процесс глубокой рефлексии, затрагивающей проблемы, решения которых формализовать не так-то просто.

Из наблюдений того времени могу также поделиться тем, что, когда философы в своих докладах стремились интерпретировать феномен слепоты по невниманию – неспособности человека при загруженном внимании обнаружить возникающий в поле зрения новый неожиданный объект [22], эти интерпретации, связанные с познанием вообще, были совершенно непонятны психологам-исследователям. К слову, изменение научных интересов, связанное со осознанием специфических философских проблем и переход из области эмпирической науки к философским изысканиям, может быть также не понято прежними коллегами по цеху.

Однако такое непонимание возникает не только между философами и учеными, но между специалистами дисциплин, решающих схожие проблемы, например, когнитивная психология сознания и аналитическая философия сознания, которые связаны только через ограниченное количество наиболее общих исходных допущений о человеке и его природе [11].

То есть, вопросы, имеющие значение в своей конкретности, предстают в философии и других науках различно, и может так случиться, что философ не сумеет сказать ученому чего-то такого, что будет полезно в его

исследованиях, поскольку, даже в рамках изучения близких вопросов собеседники могут быть заинтересованы в разных вещах.

Там, где наука оказывается ограничена своим методом, философия оказывается более лаконичной и конкретной. Так, к примеру, вопросы значения социального для познания были включены в когнитивные исследования меньше десяти лет назад (собственно, социальным занималась и занимается, скорее, социальная психология), тогда как в философии социальное и в качестве контекста, и в качестве самостоятельного фактора, обуславливающего характер познавательной активности, рассматривалось эксплицитно уже, как минимум, с начала XX века [18].

Следует также заметить, что, несмотря на кажущуюся низкой востребованность, вчерашние выпускники аспирантуры, получившие степень кандидата наук, могут в порядке конкурса устроиться на постдок программу в один из многочисленных вузов, причем зачастую такая программа по философии подразумевает свободный выбор области интересов и темы исследований. Все, что нужно в таком случае – знание английского языка, умение сформулировать тему своих исследований, способность грамотно составить резюме, публикации, а также возможность получить рекомендацию от старших коллег.

Получается, что в настоящее время *философия не только имеет возможности пересечения с актуальными для общества научными исследованиями, но и сохраняет приоритет и самостоятельность в изучении различных вопросов, оставляя философствующему большую свободу и ответственность. То есть, философия, будучи востребованной сама по себе, может быть полезна тем, что смотрит на конкретные научные области как-бы со стороны, предлагая новые и альтернативные решения. В то же самое время, чрезмерное использование этой возможности может привести автора к заблуждениям, разрушая его репутацию.*

Глава 4. Философия как мировоззрение и образ жизни

Если мы говорим о философии в более общем контексте за пределами отдельных этапов жизненного пути современного человека, то есть, о философии как жизненном призвании и ремесле или даже как о мировоззрении и образе жизни, то при таком рассмотрении можно также выделить специфический вред и пользу философии для современного человека.

Во-первых, некоторые аспекты занятия философией «не перевариваются» современностью, можно увидеть не только анахроничность данного занятия, но также присутствия в философствовании чего-то такого, чему еще только предстоит «выстрелить». Это, возможно, и сейчас позволяет философствующему в меньшей степени зависеть от разнообразных ограничений текущего момента, а это, может являться и вредом, и пользой, в зависимости от прозорливости и удачливости автора.

Во-вторых, в современной философии, да и в философии вообще нет и не может быть окончательных ответов. Каждая тема, каждая проблема, каждый концепт могут быть выделены, определены и исследованы тем количеством способов, которые предоставляют многочисленные языки, на которых говорит человечество. Также существование в настоящий момент двух традиций философствования – континентальной и аналитической, а также многочисленных попыток их синтеза дает современным философам – начинающим и опытным – большое поле для работы и выбор тем и методов, а также возможностей по их созданию.

Например, можно изучать проблему сознания как с позиции аналитической философии, преодолевая ограничения трудной проблемы сознания, различая бытовое и философское рассуждение о сознании, его природе назначении и функциях, соотнося это с данными современных нейрокогнитивных исследований, так и с позиции феноменологии – работая с субъективным опытом и его основами – собственными законами функционирования сознания. Кроме того, можно эффективно соотносить эти

две различные традиции философствования, а сам процесс изучения сознания может также стать самостоятельной темой исследования, к пример, в рамках философской антропологии или философии науки. Разумеется, кроме таких возможностей рассмотрения, здесь найдется место и для специалиста в области этики (в контексте проведения эмпирических исследований и участия в них в качестве испытуемых людей и животных), эпистемологии (в качестве частого выражения более общего вопроса о познании и о том, что такое знание), и, возможно, других философских дисциплин.

Однако такой подход содержит очевидные минусы – необходимость постоянно сомневаться, искать проблемы в тех вопросах и областях, которые человеку, далекому от философии, кажутся ясными и раз и навсегда определенными. У кого-то необходимость такого мировоззрения может вызвать тревогу, стать источником стресса, то есть, ухудшить психическое состояние философствующего. Кроме того, сомневающийся в несомненном автор может быть не понят со стороны тех, кто живет в мире «здорового смысла», «окончательных» и «вечных» истин или узких методологических рамок конкретной предметной области. Получается, что такая, достаточно широкая позиция философствующего, может стать эффективным инструментом, позволяющим мыслить глубже и дальше, или же, напротив, превратить философствующего в жертву предубеждений.

Таким образом, *отсутствие окончательных ответов и возможность проблематизации могут как послужить философу, так и привести его к превращению или в автора--популяризатора, рассказывающего чужие идеи, или в обскурантиста, которого презирают коллеги по цеху, ученые и просто образованные люди.*

Когда занимаешься научными исследованиями, особенно в рамках такой области как психология, которую сложно однозначно отнести к естественным или гуманитарным наукам, и у которой сложно определить ее собственное основание (догадываюсь однако, что подобные трудности могут

возникать не только у психологов), перед исследователем часто возникают вопросы, которые лежат за пределами выбранной области знания, в том числе, вопросы к методологии исследований, к разработанности теоретических оснований и концептов, а также вопросы о причинах значительного расхождения между теорией и практикой.

Философия позволяет, в отличие от конкретной научной области, заниматься данными вопросами, кроме того, предлагает различные методы, сформулированные как в рамках континентальной, так и аналитической философской традиции, что позволяет заинтересованному исследователю обращаться как напрямую к концептуальному аппарату изучаемой области, так и к значимым контекстам ее появления, развития и современного состояния.

Например, некоторые авторы рассматривают философские дискуссии о проблеме искусственного интеллекта в 1960-1980-е годы в качестве возможного катализатора развития этой области [4]. Кроме того, представленные выше примеры, связанные с когнитивной наукой и философской проблемой сознания, могут также быть рассмотрены в качестве примера: в своей работе аналитические философы сознания обращаются к правильности построения умозаключений, к данным эмпирических исследований, бытовым примерам и мысленным экспериментам.

Поэтому философия и философское образование позволяют автору, даже пришедшему в философию не сразу, а из конкретной научной области, *расширить свой кругозор и свободно размышлять над проблемами, которые его интересуют, формулировать их, и действовать в выбранном направлении более целенаправленно.*

При этом, такой подход к жизни, такое мировоззрение, связанное с занятием философией, с ее изучением – это способ жизни, это способ сделать жизнь интересной – ведь даже сама скука, отчаяние, ощущение бессмысленности жизни и даже страх смерти может стать источником интересных для философа размышлений.

Такой подход, на мой взгляд, можно увидеть во многих классических философских трудах – например, «Исповедь» Блаженного Августина, «Утешение философией» Бозция, «Размышление о первой философии» Рене Декарта, а также «Болезнь к смерти» Серена Кьеркегора.

Во всех упомянутых произведениях философия выступает в качестве не просто абстрактной дисциплины, «умственной гимнастики», но становится способом обращения к трансцендентному, постижения божественного, возможностью разрешения от жизненных трудностей, от событий, кажущихся несправедливыми и делающими несчастным рассуждающего, а также инструментом переосмысления отчаяния.

С другой стороны, такой подход, способный обратить любое явление повседневности в качестве философской проблемы, подразумевает значительную ответственность перед собой и слушателями – как было показано выше, многие области интереса современного философа могут пересекаться с актуальными интересами современных ученых, как представителей естественных наук, так и гуманитариев, однако недостаточное знакомство с изучаемыми областями, отсутствие узкой специализации в научной области даже при наличии широкого кругозора или узкой специализации в философском направлении может как избавить философствующего от ограничений и привести к концептуализации новых идей, меняющих науку (например, психология масс Густава Лебона [10]), или же привести к опасным или бесплодным заблуждениям.

Кроме того, возможны ситуации, когда первое будет неотличимо от второго, что можно обнаружить, например, в двойственно оценке проекта деконструкции Жака Деррида – аналитические философы осудили данный проект за недостаточное знакомство с работами Джона Серля, в то время как для континентальных философов данный проект стал значимым вкладом в философскую традицию [21].

В связи с этим стоит также сказать о том, что, как минимум, современная философия как явление постиндустриального общества, по-

видимому, в значительной степени зависит от моды на конкретные темы и исследования. Возможно, этим можно объяснить интерес к аналитической философии, не только на фоне развития нейрокогнитивных исследований сознания, но и на фоне возрастания интереса в обществе к данной области знания. При этом философу как будто бы требуется отстаивать свою независимость в изучаемых вопросах и противопоставлять свои идеи, их новизну и обоснованность по сравнению с данными когнитивной науки: так несколько лет назад на сайте философского факультета университета Людвиг-Максимилиана в Мюнхене подобный вопрос ставился в качестве рекламы магистерской программы по философии.

Алан Бадью в своем «Манифесте философии» описывает такую ситуацию как процедуру сшивания философии с одной из четырех выделенных им процедур производства истины в ущерб остальным, что, в конечном итоге, негативно сказывается на содержании всей современной философии [2].

В качестве аргумента к предыдущему тезису стоит отметить, что на фоне такого интереса к научным исследованиям и аналитической философии неизбежно забываются результаты изучения сознания, в том числе, в рамках континентальной философии, на фоне чего обращение к феноменологии в рамках нейрокогнитивных наук происходит только во втором десятилетии XXI века и становится практически сенсацией [23].

Если говорить об пользе и вреде философии как профессии и образа жизни, то важно подчеркнуть также, что, в отличие от своих ученых коллег, философу в академической среде обычно не требуется специального оборудования, а только доступ в Интернет и в библиотеки, и, кроме того, подписка на тематические журналы. Это, несомненно, избавляет философствующего от многих трат, одно это обстоятельство может негативно сказаться на выделяемых ему средствах.

Кроме того, при всей доступной философу свободе, он все равно остается зависим от академического сообщества, как минимум, в отношении

аффилиации, публикаций и цитирования. С одной стороны, это обстоятельство служит инструментом внешнего контроля, предоставляет автору обратную связь, но, в то же самое время может стать ограничителем новых оригинальных идей, не принимаемых сообществом.

Например, практика рецензирования публикаций и заявок на гранты позволяет отсеять недостаточно продуманные работы, поверхностные тексты или публикации, написанные исключительно для отчетов. В случае же молодых исследователей рецензирование – один из способов получения обратной связи о своих сочинениях со стороны профессионалов – то есть, возможность совершенствования своих навыков академического письма. Кроме того, в отношении работы научных журналов такая практика определяет репутацию журнала, а также возможность его включения в ведущие библиографические и реферативные базы данных.

Также источником ограничений для занимающего философией в рамках академии могут быть формальные ограничения, включая сроки подачи материалов, дедлайны, правила подачи и написания статей, а также требования к их обязательному написанию в процессе работы. Не каждому из тех, кто занимается философией, такие рамки будут удобны и доступны, с другой стороны, эти же ограничения могут позволить авторам более организованно подходить к своим исследованиям и своему профессиональному творчеству.

При всех этих ограничениях *занятия философией* могут быть также полезны современному человеку по следующим причинам – они *позволяют организовать знания, работать с концептами и даже создавать их, они дисциплинируют ум и позволяют изучать как всеобщие, так и конкретные вопросы.*

С этим можно столкнуться даже на этапе поступления в аспирантуру на философский факультет. Например, там, где экзамен по специальности для психологов может требовать перечисления авторов, теорий, результатов исследований и экспериментов или анализа ситуации из работы

практического психолога, экзамен по философии требует вдумчивой проработки как каждого слова, употребляемого в вопросе экзамена, так и данного вопроса в целом, и даже там, где может быть необходимо перечисление авторов и их концепций, представленный в ответе материал будет требовать, как минимум, обобщения и систематизации.

Кроме того, приобретенная на факультете психологии манера рассуждений, при которой для обобщения данных достаточно кратких ссылок на конкретные данные эмпирических исследований, оказывается менее эффективной в процессе написания кандидатской диссертации по философии, поскольку этот процесс требует не только отсылок к конкретным идеям и источникам, но и организации своего текста так, чтобы эти опорные материалы были доступны для читателя, и не требовали отдельного похода в библиотеки.

Таким образом, *философия, как профессия, дает автору большую свободу в выражении и требует меньше ресурсов*, чем, например, занятие наукой, *но может также быть источником ограничений*.

Требовательными могут быть не только коллеги-философы, но и сама философия. Как прийти к действительно новым идеям в мире, который определяет скорее технология, чем наука, культура вместо искусства, управление вместо политики и секс вместо любви [1], то есть, в мире, который одновременно формализован и склоняется к релятивизму? В мире, в котором практически невозможно целенаправленно использовать язык, а не быть его безвольным проводником и формулировать с его помощью свои идеи [5, 17]?

Уже этими вопросами философия предъявляет чрезвычайно серьезные и строгие требования к тому, кто планирует ею заниматься. Конечно, можно пересказывать и интерпретировать чужие идеи или разбираться в многочисленных интерпретациях прежних авторов, но будет ли этого достаточно, чтобы занимающийся философией смог идентифицировать себя

и считаться, собственно, философом? Может быть, польза философии в том, что она позволяет философствующему надеяться на это?

Заключение

При попытке рассуждать о пользе и вреде философии для жизни, мы можем вставать на любую из сторон и приводить множество аргументов, включающие отсылки к классикам и современникам, личный опыт, данные исследований и популярные очерки.

Философия может быть полезна для жизни, когда она своевременна или «вневременна», преподносится профессионалами ярко и конструктивно, когда она связывается с конкретными жизненными обстоятельствами обращенного к ней человека. Кроме того, философия полезна в тех случаях, когда она организует, направляет или позволяет прийти к новым идеям, то есть, когда она может быть применима к современности, или, напротив, когда получается обосновать своевременность ее проблем и методов.

С другой стороны, философия может быть вредна, когда она представляется в виде сомнительной репутации, когда формализм перевешивает содержание, и когда философия служит лишь удобным термином, прикрывающим собственное невежество, предубежденность или неготовность идти навстречу жизни и знанию.

В занятии философией есть своя специфика, гарантирующая одновременно значительную свободу и ответственность автора, как минимум, в том, что автор пытается ставить себя в один ряд со множеством людей, чьи идеи создали современный мир в привычном для нас виде, а также в том, что философствующий развивается через свой творческий процесс, который за счет отсутствия окончательных ответов не имеет обозримых границ.

Таким образом, философия сама по себе не может быть однозначно полезной или вредной, как инструмент она зависит от того человека, в чьих

руках она находится. Поэтому, как мне кажется, вопрос о пользе и вреде философии надо адресовать не самой философии, а нам, как обычным людям и специалистам, сталкивающимся с ней и использующим ее для поиска ответов на свои вопросы. Возможно, для этого процесса важна конечная цель, когда многообразие вопросов и идей обретает общность в концепте истины как необходимого идеала познания, к которому надо стремиться.

Список используемых источников:

1. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. СПб., 1999. 96 с.
2. Бадью А. Манифест философии. СПб., 2012. 192 с.
3. Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М., 2010. 256 с.
4. Глухов А. Спор Дрейфуса-Макдауэлла. Url.: <https://postnauka.ru/faq/91983> (29.08.19).
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 2015. 288 с.
6. Левин С. Философия нужна для решения философских вопросов. Ответ на заметку Александра Панчина «Зачем науке философия?» Url.: <https://syg.ma/@sergei-levin/filosofiia-nuzhna-dlia-rieshienii-filosofskikh-voprosov-otviet-na-zamietku-aliexandra-panchina-zachem-naukie-filosofiia> (29.08.19).
7. Ломако О.М. Методика преподавания философии в вузах. Саратов, 2015. 24 с.
8. Литвинский В.М. Расправа. Url.: <http://anthropology.ru/ru/text/litvinskiy-vm/rasprava> (29.08.19).
9. Марков Б.В., Исаков А.Н. Философская антропология. СПб., 2003. 384 с.
10. Московичи, С. Век толп. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 477 с.

11. Мусс А.И. Опыт концептуализации модели человека в когнитивной науке: Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13: защищена 21.03.19: утв. 25.06.19. СПб., 2019. 254 с.
12. Нагель Т. Что все это значит. Очень краткое введение в философию. М., 2001. 84 с.
13. Незнанов Н.Г. Психиатрия. М., 2010. 496 с.
14. Панчин А. Зачем науке философия? Url.: <https://www.facebook.com/scinquisitor/posts/10219685214626833> (29.08.19).
15. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Карвасарского Б.Д. СПб., 2002. 1024 с.
16. Спиркин А.Г. Философия. М., 2006. 736 с.
17. Хайдеггер М. Язык. Url.: <http://lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt> (29.08.19).
18. Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. 304 с.
19. Эко У. Как написать дипломную работу. М., 2003. 240 с.
20. Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис. М., 2006. 352 с.
21. Farrell F.B. Iterability and Meaning: The Searle-Derrida Debate // *Metaphilosophy*. 1988. Vol. 19. N. 1. Pp. 53-64.
22. Simons D.J., Chabris C.F. Gorillas in our midst: Sustained inattentive blindness for dynamic events // *Perception*. 1999. Vol. 28. N. 9. Pp. 1059-1074.
23. Varela F.J. Neurophenomenology: A methodological remedy for the hard problem // *Journal of consciousness studies*. 1996. N 3. Pp. 330-349.

!